

Чехословакия — Чехия и Словакия

(Воспоминания фольклориста)¹

Обычно, выезжая в разные края России в зарубежье, я вел дневники. Дорога всегда настраивала меня не на ленивое созерцание, а на пристальное наблюдение, на соучастие в иной жизни. Меня волновали случайные встречи, новые знакомства, судьбы людей, среди которых я жил хотя бы и недолгое время. Беглые заметки я на ходу заносил в блокнот, а вечерами записывал впечатления дня.

Многие блокноты утрачены. Особенно жаль дневников и писем военных лет. У меня похитили чемодан с личными вещами и рукописями во время переезда с Люсей* весной 1946 г. с квартиры приютившей нас Э. В. Померанцевой после моей демобилизации из армии, на дачу, снятую на лето в Малаховке, где вскоре родился наш Женик...*

После этого были переезд из Москвы на работу в Челябинск, ежегодные экспедиции на Южном Урале, поездка на Кавказ (вместе с Г. А. Турбиным), путешествия на Алтай, гостевания у родных в Киеве, переезд из Челябинска в Ленинград, путешествие по пяти рекам, летний отдых в Крыму и поездки по его побережью и в Бахчисарай, экспедиции в Поволжье, поездка в Сибирь и на Байкал (по следам протопопа Аввакума)... Все эти странствия конца 1940–1950-х гг. оставили след не только в записных книжках и в рисунках, но и в опубликованных очерках, статьях, в рассказе «Начало пути» (ж. «Огонек»), в стихах (ж. «Звезда»)..

Но почему-то моя первая зарубежная поездка в 1960 г. в Чехословакию (в составе туристической группы) осталась только воспоминанием, и не отразилась ни в каких записях, хотя была для меня важным событием и вызвала не испытанное ранее странное чувство пересечения государственной границы (вероятно, не понятное новым поколениям, людям, для которых это стало привычным занятием, особенно русским «челнокам»). Надо знать, насколько для моего поколения границы были «закрыты»: там, за рубежами жили русские эмигранты, быт и нравы местных жителей нам были известны по газетным статьям, зачастую фальшивым, в лучшем случае — произведениям художественной литературы (переводы тоже проходили строгий отбор и цензуру). Мы могли общаться толь-

¹ Подготовка текста и примечания (к выделенному *) А. Ф. Некрыловой.

ко с немногими интеллектуалами, приезжавшими в Институт русской литературы, где я работал, например, с Анри Мазоном, и с участниками IV Международного съезда <славистов>, в Москве (1958) — Максимилианом Брауном, Р. Лаличем, И. Маглем, Р. Ягодичем, А. Стендер-Петерсоном, Г. Раабом, Хр. Вакарелским, Х. Поленаковичем, Ц. Вранской-Романской, С. Пирковой-Якобсон. Мне как секретарю подсекции фольклора на съезде посчастливилось в этом отношении. Но это было в Москве, и мое общение с зарубежными коллегами поневоле было официальным и ограничивалось темами научными. Лишь отношения с П. Динековым и особенно с Максимилианом Брауном носили более личный и доверительный характер — ведь он был сыном известного петербургского профессора. Были и три фольклориста из Чехословакии: К. Горалек, К. Дворжак, А. Мелихерчик; с ними у меня установились хорошие отношения, а позднее и сотрудничество, особенно близкое — с К. Горалекком в Комиссии по славянскому фольклору*. Но даже с ними тогда не пришлось беседовать о Чехословакии.

Когда же два года спустя мне удалось поехать в эту страну, я надеялся ознакомиться с жизнью ее народа, с его повседневным бытом, с фольклором. Но условия туристической поездки в те далекие годы под неусыпным наблюдением «ответственного» руководителя группы и его «политкомиссара» (не явного, но легко узнаваемого) лишили нас возможности свободно общаться с местными жителями, и мы довольствовались рассказами экскурсоводов по заранее запланированным маршрутам и осмотром исторических мест Праги, Брно, Братиславы. Создавалось впечатление, что нас оберегали от контактов с населением (хотя мы в дружественной социалистической стране, но как бы чего не вышло! — и что, как известно, и случилось спустя несколько лет...). И редкие лимитированные прогулки в «свободное время» (непременно группами или втроем) ограничивались, как правило, хождением по магазинам за покупками дешевых сувениров и поглощением разных видов пива. Так что мои старания перед поездкой овладеть чешским языком оказались напрасными, если не считать помощь, какую я мог оказать спутникам в их общении с продавцами сувениров и с кельнерами в пивных барах. Короче говоря, мое познание Чехословакии в ту поездку не намного превышало сведения в путеводителе. Вследствие всего сказанного вести дневник было бессмысленно. Правда, независимо от степени стесненности и изолированности от живой жизни народа, я упивался на улицах звуками певучей речи горожан и пением эстрадных певцов, чудом зрелища «Латерна магика»*, радовался свежести зеленых садов «Малой страны» в Градчанах*, и тишине пустынного парка на берегу Дуная в Братиславе, любовался перспективой, открывающейся взору с Карлова моста в Праге на Вышеград, течением Дуная под древним Братиславским Градом (кремлем) и крепостными стенами. Но как фольклориста эта первая поездка меня не обогатила.

В 1964 г., в дни XI Конгресса фольклористов Югославии в Хорватии, на берегу Адриатики, в Новом Винодольском, мне посчастливилось познакомиться

ся с двумя молодыми словацкими фольклористками — музыковедом Соней Бурласовой и Верой Гашпариковой, специалистом по народной прозе. Эта встреча оказалась судьбоносной, определила мои увлечения фольклором народов Чехословакии. В тот год я впервые участвовал в работе международного фольклористического научного собрания, в дискуссиях по актуальным проблемам изучения народного искусства. Я познакомился с многими фольклористами, среди которых были выдающиеся исследователи, известные далеко за пределами тех стран, откуда они приехали. Дружеские отношения завязались у меня с гостеприимными организаторами Конгресса* — фольклористами Югославии, всех ее республик, но случилось так, что сердечная дружба соединила меня на долгие годы с Соней и Верой. Ежедневно во время утренних прогулок до заседаний, в дневной перерыв во время морских купаний, вечерами, после шумных общих застолий я с Б. Н. Путиловым, с которым мы жили вместе не в гостинице, а в частном доме с балконом на море и острова, всегда оказывались в компании очаровательных словачек. Соня пела народные песни своей страны, и Вера деловито рассуждала о научном сотрудничестве между нами, о коллективном труде, посвященном разбойничьему («збойничьему») фольклору всех балканских народов и народов России и Украины, увлекательно рассказывала предания и легенды о Яношике, герое своих исследований. Естественно, мое желание посетить Богемию усилилось и, возвратившись домой, я углубился в чтение книг о ней, этнографических и фольклористических трудов. Возможность поехать в Чехословакию вскоре представилась и неоднократно повторилась.

Подлинным «открытием» Чехии для меня оказалось пребывание в ней в дни VI Международного съезда славистов в Праге летом 1968 г. Это было время больших перемен в жизни Чехословакии, в судьбе ее народов после знаменитой «пражской весны»*, которой радовалась и на которую возлагала надежды вся демократически настроенная интеллигенция России. Буквально в первые же часы после нашего приезда в Прагу я, что называется, ощутил пьянящую силу «глотка свободы». Большое воодушевление охватило жителей столицы. На улицах и площадях масса людей с просветленными лицами, с сияющими глазами, смеющихся, оживленно беседующих, приветливо встречающих многочисленных гостей съезда славистов, радостно откликающихся, заслышав русскую речь. Незнакомые мне люди охотно останавливались, отвечали на вопросы, готовы были проводить до места, куда я стремился пройти. Я жадно прочитывал свежие газеты, вслушивался в речи руководителей реформируемой партии и власти, вчитывался в текст опубликованной «Программы действий».

Открытие съезда славистов предварило приветствие одного из идеологов «пражской весны» — Млынаржа, вызвавшее овацию в зале. Многие аплодировали стоя, слышались реплики на разных языках — как это отличалось от академически сдержанной атмосферы памятного мне торжественного открытия IV съезда...

С особым вниманием воспринимались доклады чешских и словацких коллег, в кулуарах продолжались дискуссии, у стендов с трудами чехословацких славистов на книжной выставке теснились читатели, шел оживленный обмен информацией, дежурившего библиографа осаждала толпа... Нет необходимости пересказывать доклады и содержание дискуссий — об этом достаточно написано в отчетах о работе съезда в советской и зарубежной прессе. Самым важным было общение с коллегами. Я, естественно, тянулся к чешским и словацким фольклористам, радовался новой встрече с К. Горалекком, С. Бурласовой, В. Гашпариковой, новым знакомствам — с Я. Ехом, Б. Бенешем, О. Сироваткой.

К советской делегации и к русским докладчикам на съезде отношение чехословацких коллег было дружелюбным, с нами они охотно общались, что не мешало им выступать в дискуссии нелицеприятно. Самым большим вниманием были окружены П. Г. Богатырев и И. Ф. Бэлза. Старшие коллеги вспоминали о жизни Петра Григорьевича в довоенной Чехословакии, о его дружбе с Франком Вольманом и Р. О. Якобсоном, о их деятельности в чешском лингвистическом кружке*, о его экспедициях в Прикарпатье*. Молодое поколение русских филологов воспринимало его как живую легенду, многие обращались ко мне с просьбой представить их: литературоведы — как переводчику знаменитой книги Гашека*, фольклористы — как автору хорошо известных им трудов. Не могу умолчать о том, что он пережил после съезда тяжелый стресс — уехал в Словакию погостить к брату и был застигнут там вторжением в Прагу советских войск; отъезд его в Москву откладывался со дня на день, он фактически оказался заложником. Когда мы встречались в мае и в сентябре 1969 г. (я ночевал в его квартире перед отлетом в Югославию) он, все еще волнуясь, делился со мной воспоминаниями об интернировании в Чехословакии и с тревогой говорил о положении чешских фольклористов. Воспоминания П<етра> Г<ригорьевича> о Чехословакии, о его друзьях — чехах и словаках, о экспедициях 1920-х гг. и были одной из постоянных тем во время наших встреч и приобретали актуальный смысл в последние годы его жизни, когда готовилась его книга, которую он успел увидеть изданной* и подарил мне с дарственной надписью.

Во время одного перерыва между заседаниями я встретился со Славомиром Вольманом, бывшим тогда ученым секретарем Чехословацкого комитета славистов; с ним формально мы были знакомы с 1956 г., когда он приезжал в Ленинград (я работал тогда ученым секретарем Института русской литературы). Он сердечно меня приветствовал и тут же предложил показать мне Прагу. В один из дней мы долго бродили по местам, не посещаемым туристами, но особенно любимым Славомиром, и его рассказы были насыщены интимными подробностями о ситуации в Чехословакии, тонкими замечаниями об архитектуре, сведениями об именитых пражанах, с которыми связано то или иное место. Не миновали мы, разумеется, и кафе, где сживал бравый солдат Швейк, но за столиком с пивными кружками беседа наша велась не на литературные темы, а о состоянии славистики, о проблемах, возникающих в связи с противодействием новым идеям со

стороны консерваторов, о вмешательстве партийных функционеров в научную жизнь. Мы романтически мечтали о науке, независимой от политики.

Назревал конфликт между чешскими реформаторами и руководством других социалистических стран Европы, прежде всего — Советского Союза... В самой Чехословакии в научной среде находились догматики, не разделявшие стремления реформаторов к «социализму с человеческим лицом». К тому же некоторые чешские интеллектуалы, мечтая о переменах в общественной жизни, высказывались более радикально... Но даже умеренная и подлинно демократическая реформа, предлагаемая «Программой действий», не одобрялась советским руководством, которое видело лишь в ней возможность «контрреволюций»... Какие действия последовали вскоре после того, как завершился VI съезд славистов, известны. «Пражская весна» была подавлена советскими танками. Александр Дубчек и его единомышленники подверглись унижению и стали, в сущности, в Москве заложниками. Но «Пражская весна» осталась навсегда в народной памяти.

Те незабываемые дни вызвали в моей душе эмоциональный отклик и стихи, посвященные А. Дубчеку:

Скалистый холм над быстрой Влтавой —
там дремлет славный Вышеград...
Но дней весенних новой славой
свободный город горд и рад.
Цветут каштаны Малой страны,
среди холмов, где дол глубоок —
шедевры зодчих иностранных.
В саду дворца, где жил Суворов —
растет молоденький дубок.
Он тоже — первенец свободы
и долголетия залог.
Во славу чешского народа
ввысь вознесется тот дубок.

Трагическим протестом против вторжения сил «Варшавского договора» в Прагу было самосожжение студента Яна Палаха. Он остался бессмертным факелом свободы.

Полтора года спустя, в мае 1969 г., Э. В. Померанцевой и мне по пути в Венгрию на научную конференцию, посвященную юбилею известного ученого Дьюло Ортутая, пришлось задержаться в Праге на день (между прилетом самолета Москва–Прага и отлетом самолета Прага–Будапешт). Еще оставались следы осквернения города после прохождения советских танков по его улицам. Раны, нанесенные улицам, не успели еще залечить. Мы пришли к Университету и заметили в окне на первом этаже одного из зданий за стеклом увеличенную фотографию Яна Палаха и прочли там же текст требования увековечить память Палаха в переименовании ближайшей площади. Сломить волю пражского студенчества не удалось, и мы этому обрадовались. Но все, что мы увидели на улицах Праги,

нас угнетало. А цветущие каштаны казались канделябрами со свечами, возжженными в честь тех, кто отстаивал свободу в дни «пражской весны». И я вспомнил дни съезда славистов в августе 1968 г.:

О, плодоносный август!
В Златой Праге
согреты улицы сиянием свободы,
в глазах пражан — сияние отваги,
сияньем солнца блещут Влтавы воды...
Но вдруг как гром из грозового неба —
по улицам советских танков грохотанье.
И только тот, кто в Праге тогда не был,
не испытал ни ужас, ни страданье...
Мне не забыть позорнейшую дату
и гнев пражан — мне не забыть их лица...
Да будут прокляты, кто русского солдата
послал в чехословацкую столицу!

Судьба пражской гуманитарной интеллигенции оказалась драматической. Прогрессивно мыслящих учителей, профессоров и ученых преследовали, многих увольняли с работы, как нам с Эрной Васильевной <Померанцевой> удалось узнать, позвонив по телефону-автомату некоторым нашим коллегам. Кампанию «чисток кадров» растянули на несколько лет. В этом я смог убедиться в июне 1971 г., отправившись в Словакию на научный семинар через Прагу. Директор Института этнографии и фольклористики Академии наук, выдающийся исследователь и энергичный организатор научной работы Яромир Ех, с которым я познакомился в дни VI Международного съезда славистов, узнав, что я буду проездом в Праге, пригласил меня задержаться на два дня. Он встретил меня в аэропорту и поселил за городом в академическом коттедже на берегу Влтавы. Мы провели с ним много часов в интимной беседе с глазу на глаз. Он обстоятельно ознакомил меня с состоянием науки в Чехии и, в частности, в возглавляемом им институте, заверил меня, что чешские фольклористы не отождествляют советских коллег с советским руководством, ценят ту моральную поддержку, которую оказали некоторые члены советской делегации чехословацким ученым в дни VI съезда славистов, просил передать приветы П. Г. Богатыреву и Э. В. Померанцевой, говорил о необходимости продолжать сотрудничество, предлагал совместную разработку некоторых проектов, в частности — создание коллективного труда о культуре карпатских «збойников» и русских «разбойников», гайдуков и ускоков на Балканах, об освободительном движении народов Чехословакии и восточных славян. Этот замысел, к сожалению, остался не исполненным...²

² Лишь небольшая часть материалов готовится к изданию благодаря инициативе руководителей Института этнологии Украинской АН во Львове (на украинском языке). — *Сноски сделаны В. Е. Гусевым.*

В последнее свидание он откровенно признался, что его личное положение в Академии наук неустойчиво. Его дружеское доверие в то время, когда некоторые чешские коллеги отвернулись от Советского Союза и прервали отношения с русскими фольклористами, было мне особенно дорого. Его предчувствие, к сожалению, вскоре сбылось — в 1972 г. Яромира сместили с должности директора института «по политическим мотивам» и он был выведен из состава Народоведческого общества при Чехословацкой академии наук, досрочно переведен на пенсию. На долгие годы он был отстранен от публичного участия в научной жизни (хотя к чести его надо сказать, что он продолжал научную работу за столом), вплоть до посмертной реабилитации в 1992 г. Немногие его статьи опубликованы в 1990–1994 гг.; библиография его трудов, подготовленная В. Гашпариковой, издана в 1996 г.

Сменил Я. Еха в должности директора института посредственный этнограф, чиновник от науки Робек («заслуга» его состояла в том, что осенью 1968 г. он, водрузившись на советский танк, указывал колонне путь продвижения по Праге, поскольку население, чтобы затруднить карательную акцию, сорвало с улиц таблички с их названиями). С тех пор фольклористика в Праге была не только обезглавлена, но и фактически ликвидирована как самостоятельная научная дисциплина и не может оправиться до сих пор (о ее развитии в других местах Чехословакии скажу ниже).

Особое место в истории чехословацкой фольклористики занимает Карел Горалек (1908–1993). Ученый универсальных знаний в области филологии, он был в 1972–1978 гг. директором Института чешского языка Академии наук, автором лингвистических и литературоведческих трудов, но уже одна из ранних его работ посвящена исследованию народной традиции в древних стихотворных легендах, а другая — сравнительному изучению поэтики народных песен. В дальнейшем он исследовал народный эпос и особенно широко — сказки разных народов. Не случайно когда при Международном комитете славистов была образована Комиссия по славянскому фольклору (1963), первым ее председателем стал именно К. Горалек. Мы встречались и беседовали во время многих международных научных конференций (как я отметил выше, с IV съезда славистов в 1948 г.*), но особенно тесно в течение многих лет я сотрудничал с ним в названной Комиссии. Но даже такого крупного и авторитетного ученого с мировым именем не обошла несправедливая критика его методологии (увлечение «теорией заимствования»), что помешало изданию сборника к его 70-летию, о чем он с огорчением доверительно рассказал мне осенью 1976 г. в дни «VI Международной встречи славистов» в Югославии (я занес это в свои «Югославские дневники», с. 200). К счастью, это осталось лишь эпизодом в его плодотворной и успешной деятельности.

Когда в 1983 г. К. Горалек решил подать в отставку с должности председателя Комиссии по славянскому фольклору, он поручил мне в дни VII съезда славистов в Киеве провести заседание Комиссии, предусмотренное программой

каждого съезда, и мне пришлось объявить об этом поручении собравшимся членам Комиссии и другим участникам съезда, пришедшим на заседание, и передать предложение К. Горалека об избрании нового председателя. Все национальные секции Комиссии раздельно обсудили это предложение и высказались за одну кандидатуру. Общим открытым голосованием она была одобрена. Мне суждено было стать преемником выдающегося чешского ученого, оставшегося почетным членом Комиссии и образцом, которому я старался следовать в меру своих возможностей. Заместителем председателя была избрана Вера Гашпарикова, верная ученица К. Горалека и моя неизменная помощница, главный редактор Информационного бюллетеня нашей Комиссии «*Slavistická folkloristika*», издающегося с 1989 г. в Братиславе и Брно.

Пожалуй, судьба пощадила только одного старейшего чешского фольклориста — академика Иржи Горака, крупнейшего исследователя народных сказок, сохранившего до глубокой и мудрой старости оптимистическое мировоззрение и доброе расположение к младшим поколениям. Он скончался на девяносто первом году жизни в 1975 г., и мне посчастливилось пообщаться с ним незадолго до его смерти... Впрочем, кажется, беды миновали и самого спокойного и мудрого исследователя, принадлежавшего к моему поколению — Ольдржиха Сироватку, внушавшего мне глубокое уважение; во время встречи с ним в дни VII Международного съезда славистов (в Загребе) в 1973 г., в дружеской компании чехословацких фольклористов, в застолье, он был самым немногословным собеседником, но к каждому его слову все мы прислушивались.

Говоря о чешских фольклористах и шире — о чешском народоведении, нельзя не вспомнить небанальные работы о рабочем фольклоре В. Карбусицкого, Й. Касана и В. Плетки, привлечшие внимание научной общественности в 1960-е гг. и незаслуженно забытые позже, недооцененные в советской фольклористике. Но особенно важное значение имела деятельность Вацлава Фролеца, издавшего в Брно в 1970–1980-е гг. превосходную многотомную серию «*Lidová kultura a současnost*» («Народная культура и современность»). Все тома этой серии В. Фролец посылал мне, мы вели переписку, и для моей работы большую помощь оказал пятый том серии — «*Masopustny tradicije*» (посвященный традиционным масленичным обрядам, играм, забавам, ряженью, сохраняющимся в современной культуре). Не случайно эта серия подготовлена и издана в Брно. В этом городе, после прекращения деятельности Я. Еха в Праге, развитие фольклористики продолжалось, и она актуализировалась в последние десятилетия XX в.

В Брно, столице южноморавского края Чехословакии, существует Институт этнологии Академии наук Чешской республики, где работает немногочисленная, но весьма квалифицированная группа фольклористов (Яна Поспишилова, Марта Тонцрова и Марта Шрамкова — члены редколлегии Информационного бюллетеня Комиссии по славянскому фольклору — и мне доставляло удовольствие сотрудничать с ними). Наиболее плодовитым фольклористом по праву считается Богуслав Бенеш, автор многочисленных теоретических, аналитических, исто-

риографических и информационных статей. Для русских фольклористов большую ценность представляют его работы о П. Г. Богатыреве. Он — вдумчивый истолкователь наследия выдающегося русского слависта, составитель лучшей библиографии трудов П. Г. Богатырева, опубликованной в его широко известной книге «Вопросы теории народного искусства» (1971)*, аналитик фольклористических концепций некоторых других советских фольклористов, в частности автор критического обзора наших дискуссий 1950–1960-х гг. о современном фольклоре. Б. Бенеш предложил свою оригинальную классификацию этого этапа в истории фольклора, а также разработал классификацию народного театра. В 1960–1980-е гг. мы вели интенсивную переписку. В частых и обстоятельных письмах он делился своими научными замыслами и оценками работ чешских и русских фольклористов, присылал мне рукописи своих статей, впоследствии опубликованных. Он успешно работает и в последние годы. Одна из его статей в сборнике, изданном в 1996 г., — «Франк Вольман как фольклорист»; это, в сущности, первый специальный анализ фольклористических трудов выдающегося чешского ученого, одного из основоположников чешской фольклористики XX в., причем очень интересно сравнение Бенешем концепций Ф. Вольмана со взглядами П. Г. Богатырева. В сборнике «На рубеже тысячелетий» (Братислава, 2000) опубликован новый этюд Бенеша сравнительного изучения чешских и немецких песен и баллад. К сожалению, наша переписка прервалась, но я дорожу воспоминанием о нашей первой встрече, когда за чашечкой кофе мы необычайно быстро сошлись во взглядах на сущность фольклора и задачи фольклористики, о нашей долготелней дружбе. С большим интересом я продолжаю следить за развитием научных интересов Богуслава, за его методологическими исканиями, за совершенствованием его исследовательского мастерства и не теряю надежду на возобновление контактов.

Теперь, в хронологической последовательности и в пространственной протяженности поездок, память ведет меня из Моравии в Словакию и возвращает к первой любви — к словацкой песне. Нигде в Чехословакии я не слушал так много песен, как здесь, на берегах Дуная и Вага, в Загорье, возле отрогов Малых Татр...

На философско-методологический семинар словацких фольклористов я приехал в Пьештяни на реке Ваг в июне 1971 г. Он прошел под названием «Отражение борьбы против фашизма в народной словесности». Не буду пересказывать выступления участников семинара — его работа освещена в научной прессе, в частности в журнале «Slovenský národopis» (моя информация — в ж. «Советская этнография», 1971, № 6)*. Разумеется, содержанием научной дискуссии было обсуждение методологических вопросов собирания и изучения фольклора народно-освободительной борьбы в годы Второй мировой войны. Но сама неформальная обстановка немногочисленной встречи, бесед на открытом воздухе, вечерних прогулок по окрестностям Мораван-на-Ваге располагала к дружескому общению и к пению народных песен — старых и партизанских. В отличие от официальных заседаний в больших городах и шумных застолий, здесь, в сравни-

тельно узком кругу сотрудников Института этнографии и Университета, пение было естественной формой общения. Песня звучала не с эстрады и не по заранее составленной программе, а импровизировалась по памяти и по материалам экспедиций, воспринималась не со стороны, не из зала заседаний, а в приятном соседстве; здесь не было разделения на «исполнителей» и «слушателей», и даже гость семинара становился подпевающим соучастником певческого ансамбля.

Слушая на семинаре пение словацких коллег и сравнивая затем их манеру исполнения народных песен с фольклористическими публикациями, я задумывался над возможностями расшифровки всех особенностей текста и голосоведения. Разумеется, пение фольклористов на семинаре, хорошо знающих народные традиции, воспроизводило, вероятно, особенности музицирования в городской среде, их двухголосное или унисонное пение не было идентичным традиционному пению местных крестьян, тем более пению коренного населения восточных районов Словакии и близких районов Закарпатья, знакомому мне по поездкам в эти места. Приехав после семинара в Братиславу, я слушал полевые записи фольклористов на магнитную пленку и убедился в несовершенстве некоторых публикаций. Тогда я встретился в интимной обстановке с Соней и ее супругом — композитором Ладиславом Бурласом, и мы дискутировали о качестве расшифровок. Я обратил внимание на элементы многоголосия и на диалектные особенности речи исполнителей песен. Соня и Ладислав согласились со мной, причем ухо композитора улавливало нюансы, пропущенные расшифровщиками и не замеченные мною.

Разумеется, эта тема не была единственной в моих беседах со словацкими коллегами. Я интересовался новыми исследованиями С. Бурласовой, В. Гашпариковой, которые в большой степени обращались к темам народно-освободительной борьбы в Словакии, отражению ее в традиционном фольклоре и в творчестве партизан в годы Второй мировой войны. Особенно радовали меня инициатива и первые успехи нового поколения фольклористов — М. Лещака, К. Михалека, С. Швеглака; они увлекались тогда проблемой современного фольклора и особенно — проблемой фольклоризма, готовили тогда статьи, опубликованные позже, в середине—конце 1970-х гг. и в начале 1980-х гг. Эти беседы были для меня полезны, поскольку сам тогда обдумывал проблему фольклоризма, обсуждавшуюся в 1960-е гг. в Германии, Польше, Венгрии, Югославии, но совершенно не интересовавшую почему-то тогда советских фольклористов, которые, за небольшим исключением, остались, к сожалению, равнодушными и некомпетентными в этой области и позже. Справедливости ради замечу, что несколько раньше, чем словацкие молодые фольклористы, о фольклоризме интересную и глубокую статью опубликовал чешский фольклорист О. Сироватка (в 1974 г.). Но это не умаляет значение словацких «будителей». Дружелюбное соревнование в науке дает хорошие плоды. Образцом плодотворного сотрудничества может служить совместная монография М. Лещака и О. Сироватки, изданная позднее: «Folklori folkloristika» (1982).

Из работ словацких фольклористов особенно привлекла мое внимание позже, помню, новаторская статья М. Лещака «Фольклоризм как стимул инновации фольклорного творчества» (1977). При посещении Братиславы в то время, о котором я пишу (1971), меня тронули не только исследовательский энтузиазм молодого М. Лещака, но и его необыкновенно заботливое отношение ко мне. Он доверительно делился со мной своими замыслами, был моим добровольным гидом в прогулках по реставрированной Братиславе, показывал мне укромные уголки города, увлекательно рассказывал о нравах горожан и непременно хотел угостить меня «как следует» в кафе, хотя я догадывался о его стесненном финансовом положении (он недавно женился). Я согласился лишь выпить кружку пива, закусить на ходу сэндвичем в какой-то демократической «забегаловке», и мы продолжали прогулку и беседу. Это общение с молодым Миланом осталось для меня одним из самых отрадных воспоминаний (недавно научная общественность Братиславы отметила его первый юбилей — 60-летие, и он, уверен, находится в расцвете творческих сил).

Андрея Мелихерчика, сформировавшего в послевоенной Чехословакии национальную словацкую фольклористику, я уже не застал в живых в тот приезд, но, навестив его могилу, мы в кругу коллег вспоминали его, говорили о его вкладе в науку. Он был добрым человеком и деятельным организатором научного процесса, и мне приятно было убедиться, что это помнят и ценят его коллеги и ученики, слышать, с каким уважением и признательностью говорят, особенно в связи с тем, что он был первым ученым, который в 1946 г. опубликовал в этнографическом сборнике Матицы словенской* статью о фольклоре антифашистского восстания в Словакии по его горячим следам. В 1960 г., будучи профессором Университета им. Коменского в Братиславе, Мелихерчик организовал первую экспедицию по собиранию партизанского фольклора и опубликовал новую работу по материалам этой экспедиции. Я рад был узнать, что эту собирательскую и исследовательскую работу в Университете продолжил в 1961 г. Ян Михалек, с которым мы общались на семинаре, а позже появились и его научные работы на эту тему.

В тот приезд в Словакию я убедился также в том, что большую научно-организаторскую работу ведет директор Института этнографии Словацкой академии наук, талантливая, энергичная и очаровательная Божена Филова, к которой я проникся уважением и симпатией, и наши дружеские отношения продлились на годы. К сожалению, Божена целиком погрузилась в заботы об институте в трудные годы существования науки в Чехословакии, пожертвовав своими личными научными интересами... Без преувеличения можно сказать, что она спасла этнографию в Словакии от той опасности, которая постигла этнографию и фольклористику в Праге.

Последующее десятилетие мне не привелось бывать ни в Чехии, ни в Словакии, но я встречался довольно часто с К. Горалекком, Я. Ехом, О. Сироваткой, Б. Бенешем, с Б. Филовой, С. Бурласовой, В. Гашпариковой на разных международных на-

учных конференциях в Москве, Киеве (на Европейском симпозиуме), в Болгарии (на IV Международном съезде славистов), в Югославии (на конгрессах фольклористов), а Веру принимал даже у себя в гостях в Ленинграде и показал ей достопримечательности «Петербургской Швейцарии» в Озерках.

1980-е гг. оказались судьбоносными для Чехословакии. При встречах с коллегами мы обсуждали симптомы назревающего кризиса во взаимоотношениях двух республик и соглашались, что политические обстоятельства не должны бы определять научные отношения между славянскими странами. Когда произошла «бархатная революция»* 1989 г., развивавшаяся в Чехии драматически и спокойнее в Словакии, все мы радовались и надеялись, что демократические преобразования благоприятно скажутся в научной жизни обеих стран. Последующее образование двух самостоятельных демократических республик по-разному воспринималось чешскими и словацкими коллегами, но, к счастью, не оборвало связи между научными учреждениями Братиславы и Брно, Информационный бюллетень Комиссии по славянскому фольклору по-прежнему готовился словацкими и чешскими членами редколлегии совместно и издавался поочередно в этих городах — без перерыва. Как председатель Комиссии я благодарил руководство этнографических институтов обеих стран в письмах после выхода в свет каждого выпуска. Издание бюллетеня сыграло важную консолидирующую роль, позволило широко информировать мировую научную общественность о фольклористических изданиях и научных конференциях, в каждом номере публиковались библиографические сведения о словацких и чешских фольклористах (наряду со статьями о юбилеях фольклористов других славянских стран).

В сентябре 1993 г. состоялся очередной, XI Международный съезд славистов, созванный в Братиславе по решению Международного комитета славистов. Это создавало возможность восстановления былых взаимоотношений между фольклористами Чехии и Словакии. Я был приглашен почетным гостем съезда Словацким национальным комитетом славистов благодаря Яну Дорули (как председатель Комиссии по славянскому фольклору). Иначе я не смог бы приехать на съезд, так как, будучи пенсионером, не вправе был рассчитывать на командировку Российской академии наук. Теперь я смог не только выступить с докладом, но и провести важное заседание Комиссии по славянскому фольклору. Меня поселили в Университетском городке, в отдельной комнате, где я мог работать вечерами и принимать друзей.

К сожалению, раздел Чехословакии не прошел бесследно для науки. В съезде приняла участие немногочисленная делегация Чешской республики во главе со Славомиром Вольманом, бывшим тогда председателем Международного комитета славистов (но в конце съезда он сложил свои полномочия в этой должности). Мы встретились дружески, вспоминали съезд в Праге в роковые для Чехословакии дни, наши прогулки по Праге, обедали иногда за общим столом и в компании с Н. И. Толстым и С. М. Толстой, общались близко во время перерывов между заседаниями; я подарил ему изданный тогда сборник моих стихов,

куда я включил стихотворения, процитированные выше — их он прочитал с дорогим для меня сочувствием... Позднее, несколько лет спустя, я опубликовал по приглашению С. Вольмана ответ на анкету редакции и был одним из авторов другого выпуска этого журнала, посвященного редактору — самому юбиляру.

На заседаниях съезда присутствовали среди слушателей несколько чешских фольклористов, но, к моему неприятному удивлению, среди докладчиков не было ни одного (!) чешского фольклориста — при том, что Словакия была представлена наибольшим числом докладчиков вообще: было заслушано и обсуждено 13 докладов словацких коллег (из России — 12, из Болгарии — 8, из Украины — 5, другие страны были представлены меньшим числом)³. Следует признать, что XI съезд славистов продемонстрировал достижения фольклористики в независимой Словакии. Наряду с деятелями старшего поколения (В. Гашпарикова, С. Бурласова, М. Мушинка, Р. Бртань) выступили и более молодые — Е. Крековичева, Е. Красновска, Г. Килианова, М. Лещак, Я. Михалек, Й. Млацек, М. Парикова, З. Профантова, Е. Хорватова. Естественно, что страна, принимающая участников съезда, имела возможность предоставить трибуну большому числу отечественных специалистов (так бывало и на предыдущих съездах в других странах), но невозможно умолчать об огорчении и разочаровании по поводу отсутствия среди докладчиков чешских фольклористов (хотя бы Б. Бенеша, который публикует свои работы в словацких изданиях). Мне трудно судить о всех обстоятельствах подготовки XI съезда, но все же, думаю, основная объективная причина неучастия чешских фольклористов — состояние чешской фольклористики после событий 1968–1969 гг.

Общая атмосфера на заседаниях секции фольклора и на собрании Комиссии по славянскому фольклору при участии других фольклористов — не членов Комиссии, была деловой и творческой, была отредактирована новая программа на последующее пятилетие, заслушано сообщение о подготовке издания «Словаря научной и народной терминологии»*, расширен состав Комиссии (возможно, даже слишком). Главное же, по-моему, что было характерно для работы секции фольклора — оживленная дискуссия, встречи и общение фольклористов шестнадцати стран (включая США, Германию, Канаду, Францию, Югославию, Японию...). Мне это доставляло большое удовлетворение, я бесконечно благодарен организаторам съезда — словацким славистам за четкую организацию работы, за выставку новых публикаций, за экскурсию в Мартин, позволившую ознакомиться с деятельностью Матицы Словенской, за заботу о быте гостей.

Разумеется, особенно радовало меня общение с давними друзьями и коллегами, в их числе — с названными словацкими фольклористами. Кроме ежедневных встреч и бесед в кулуарах запомнился прощальный вечер в квартире Веры

³ Информацию С. Н. Азбелева см. в ежегоднике «Русский фольклор», т. 28 (Азбелев С. Н. Фольклористика на XI Международном съезде славистов // Русский фольклор. Т. 28. СПб., 1995. С. 433–435. — *Ред.*).

Гашпариковой, где присутствовали не только словацкие друзья хозяйки, но и наиболее близкие ей коллеги — гости из других стран, среди них, в частности, редкая участница международных конференций фольклористка из Будишина, паремиолог Сусанна Хозе, представляющая в Комиссии сербов-лужичан.

Помимо событий, связанных непосредственно со съездом, большую радость доставило мне свидание с крупнейшим специалистом в области изучения народных обрядов и народного театра — Мартином Сливкой, в гостях у которого я и хорватский фольклорист Иван Лозица провели незабываемые полдня⁴. Со Сливкой и с его трудами я был знаком задолго до съезда, он за несколько лет до того приезжал в Ленинград, где ознакомился с коллекциями этнографических музеев, смотрел фольклорно-этнографические фильмы Г. Г. Шаповаловой*, подарил мне альбом масок*, публикации своих статей и книги, на которые я ссылался в работах о народном театре и в докладе на съезде славистов⁵. Но другого такого праздника, какой был для нас устроен гостеприимным М. Сливкой, я не знал никогда. В его доме на ул. Cernuchodník, приспособленном для хранения многочисленных коллекций, меня поразило не только разнообразие и богатство собранных им материалов, но и продуманная научная система их хранения, особенно же — показанные нам отлично снятые телефильмы о народных праздниках и театрально-игровых представлениях, заснятые им в полевых условиях. Эти фильмы можно было бы смотреть до бесконечности (увидели мы только небольшое их число), если бы не настойчивые приглашения его жены к столу, где она угощала нас специфическими изделиями народного кулинарного искусства и белым словацким вином. Мы с Иваном Лозицей, пресыщенные духовно, добрались до ночлега в университетском городке далеко за полночь.

Другой, но, к сожалению, беглой встречей была встреча с Яном Коморовским, видным религиоведом и этнографом, который много лет назад перевел на словацкий язык «Житие» протопопы Аввакума и, оказав мне честь, мою статью об этом памятнике древней русской литературы. Мы давно вели переписку, я старался поддержать его в трудные для него годы, но теперь, к счастью, заслуги его признаны, и он плодотворно сотрудничает с этнографами и фольклористами. Живет он в Тренчине, под Братиславой, и я даже пытался заехать к нему по дороге из Мартина, но не застал дома, и он, узнав об этом, специально приехал на заключительное пленарное заседание съезда, где я, как и другие руководители секций, отчитывался о работе секции фольклора и о заседании Комиссии. У меня осталось немного времени на беседу с Яном, но и часа было довольно, чтобы убедиться в устойчивости нашей взаимной симпатии.

⁴ Иван Лозица — молодой исследователь хорватских обрядов и народного театра, на чьи работы я ссылался в своем докладе, автор монографии «Izvanteatra», ныне — директор Института этнологии в Загребе.

⁵ Очерки М. Сливки по истории народного театра, журналы с его статьями и альбом обрядовых масок я отдал на хранение в Институт истории искусств.

В последний вечер мне захотелось побыть одному после официальных заседаний и приятных, но шумных и сумбурных прощаний с коллегами. Я спустился мимо костела св. Мартина к Дунаю, постоял возле нового моста, полюбовался началом золотой осени в парке, что на противоположном берегу в Петржалках, где однажды провел несколько блаженных часов в компании друзей. Неторопливо побрел по пустынной набережной, под холмом, где возвышается громада древнего Братиславского Града, в сторону, где виднеется горная гряда, пограничная с Австрией. Дунай бурлил, и над водой реяли чайки. Я дошел до места, где образовался спокойный залив перед подъемом в Университетский городок, поднялся по тропинке, которую облюбовал с первого дня, спускаясь по ней по утрам, перед завтраком, чтобы надышаться перед предстоящими заседаниями съезда. Теперь на душе у меня спокойно от сознания, что работа в дни съезда была удачной, все мои желания исполнились. Но, оглянувшись в последний раз на Дунай, с грустью подумал, что возвратиться сюда в будущем мне уже не суждено. Прощай, Словакия!

Ноябрь 2001 г.

В. Е. Гусев

Примечания⁶

...во время переезда с Люсей — Людмила Николаевна Гусева — жена В. Е. Гусева.
...родился наш Женик — старший сын Гусевых.

Комиссия по славянскому фольклору при Международном комитете славистов учреждена в 1963 г., на IX Международном съезде славистов в Киеве (1982), председателем Комиссии был избран Гусев (занимал этот пост в течение 1982–1998 гг.), тогда же была разработана Программа деятельности Комиссии на 1984–1988 гг. и образовано несколько национальных секций, см.: Русский фольклор. Т. 24. Л., 1987. С. 192–194. Гусев регулярно публиковал отчеты о деятельности Комиссии. См., например: *Гусев В. Е.* Международная комиссия по славянскому фольклору и фольклористика в славянских странах // Живая старина. 1994. № 1. С. 61–63; *Гусев В. Е.* Информационный бюллетень Международной Комиссии по славянскому фольклору // Живая старина. 1994. № 3. С. 61. К XII Съезду славистов (Краков, 1998) Гусев предложил свою Программу по изучению славянского фольклора, которую изложил на заседании Комиссии. Краткое содержание Программы см.: *Гусев В. Е.* Новый проект: Компаративизм в славистической фольклористике // Slavistická folkloristika. Informačný bulletin. No 1–2 (1997). Bratislava, 1998. S. 11–12. На съезде программа была представлена в виде доклада «Комплексное (междисциплинарное) изучение фольклора» (опубл.: Славянские литературы: Культура и фольклор славянских народов: XII Международный съезд славистов: Доклады российской делегации. М., 1998. С. 357–369).

⁶ Примечания и указатель имен сделаны А. Ф. Некрыловой.

- ...чудом зрелища «Латерна магика» (“*Laterna Magika*” — лат. «волшебный фонарь») — театр в Праге, получивший известность и огромную популярность тем, что первым в мире стал использовать в своих постановках мультимедийные эффекты. В «Латерна магика» собственно театр смешивался с пантомимой, балетом, современным танцем, но главным элементом являлась визуальная составляющая — сочетание кинопроекции и драматической игры актеров.
- ...«*Малая страна*» в *Градчанах* — один из старинных районов и главных достопримечательностей Праги, включенный ЮНЕСКО в список всемирного наследия. Градчаны расположены на просторном скалистом холме левого берега реки Влтавы. Название района произошло от слова «*hrad*», что на чешском языке означает «замок, крепость, укрепленное поселение».
- ...устроителями Конгресса — фольклористами Югославии — с послевоенных лет в Югославии ежегодно проходили Конгрессы фольклористов, с 1964 по 1987 г. Гусев участвовал во всех таких конгрессах, в 1972 г. он был избран членом Союза фольклористов Югославии.
- ...после знаменитой «*Пражской весны*» (чеш. *Pražské jaro*, словацк. *Pražská jar*) — период либерализации в Чехословакии с 5 января по 21 августа 1968 г., связанный с избранием первым секретарем ЦК КПЧ Александра Дубчека и его реформами, провозглашавшими «социализм с человеческим лицом», направленными на расширение прав и свобод граждан и децентрализацию власти в стране. В ночь на 21 августа 1968 г. в Чехословакию были введены войска пяти стран Варшавского договора (СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши). 26 августа операция, получившая кодовое название «*Дунай*», завершилась подписанием «Программы выхода из кризисной ситуации», все демократические преобразования были свернуты, в Чехословакии оставался постоянный контингент советских войск.
- ...в чешском лингвистическом кружке — Пражский лингвистический кружок был одним из основных центров европейской структурной лингвистики; основан в 1926 г. чешским лингвистом Вилемом Матезиусом; распался в 1953 г. На формирование лингвистических теорий членов кружка большое влияние оказали взгляды Ф. де Соссюра, И. Бодуэна де Куртенэ, Ф. Ф. Фортунатова, А. А. Шахматова.
- ...о его экспедициях в *Прикарпатье* — точнее, в Закарпатье (Подкарпатскую Русь), куда в 1920-е гг. П. Г. Богатырев совершил несколько экспедиций и где при собирании и исследовании полученного материала (фольклорного, этнографического, диалектологического) стремился применить синхронный метод Ф. де Соссюра. Широкую известность получила книга Богатырева «*Магические действия, обряды и верования Закарпатья*», вышедшая в 1929 г. в Париже (на французском языке). В переводе на русский язык она впервые была опубликована в кн.: *Богатырев П. Г. Вопросы теории народно-*

- го искусства. М., 1971. С. 167–296. См. также статьи, написанные Богатыревым на основе этих экспедиций в кн.: *Богатырев П. Г. Функционально-структуральное изучение фольклора (Малоизвестные и неопубликованные работы)*. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- ...как переводчику знаменитой книги *Гашека* — перу Богатырева принадлежит первый, ставший классическим, перевод романа Ярослава Гашека «Похождения бравого солдата Швейка» (первое издание перевода в двух частях осуществлено в 1930 г., затем много раз переиздавалось).
- ...готовилась его книга, которую он успел увидеть изданной — имеется в виду сборник избранных работ П. Г. Богатырева «Вопросы теории народного искусства» (М.: Искусство, 1971). П. Г. Богатырев скончался в начале осени 1971 г.
- ...с IV съезда славистов в 1948 г. — ошибка: этот съезд славистов проходил в 1958 г. в Москве.
- ...*Богуслав Бенеш*, <...> большую ценность представляют его работы о П. Г. Богатыреве. Он <...> составитель лучшей библиографии трудов П. Г. Богатырева... — библиография научных работ и переводов П. Г. Богатырева составлена Бенешем к 70-летию ученого, помещена в кн.: *Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства*. М.: Искусство, 1971. С. 523–543. На рус. яз. опубликован небольшой очерк Бенеша «Мои воспоминания о Петре Григорьевиче Богатыреве» (Петр Григорьевич Богатырев. Воспоминания, Документы. Статьи. СПб.: Алетейя, 2002. С. 38–42).
- ...моя информация — в ж. «Советская этнография»... — Гусев В. Е. Семинар словацких фольклористов // Советская этнография. 1971. № 6. С. 169–171.
- ...в этнографическом сборнике *Матицы словенской* (словацк. *Matica slovenská*) — словацкое национальное культурно-просветительное общество. Основано в 1863 г., ликвидировано по распоряжению венгерских властей в 1875 г.; возрождено в 1919 г., вскоре после создания Чехословакии. Общество издает журналы, серию научных трудов «*Sborníkú Matice Slovenské*».
- «*бáрхатная революция*» — мирное гражданское восстание в Чехословакии в ноябре–декабре 1989 г., приведшее к отстранению от власти коммунистической партии, демонтажу социалистического режима. По результатам референдума 1992 г. Чехословакия в 1993 г. была разделена на два государства — Чехию и Словакию.
- ...заслушано сообщение о подготовке издания «*Словаря научной и народной терминологии*» — В. Е. Гусев возглавил коллектив составителей — сотрудников сектора фольклора ЛГИТМиКа — для подготовки такого словаря. Сначала вышел «Словник русских фольклористических терминов: Проект» (ЛГИТМиК. Л., 1978), затем с привлечением большого числа авторов «Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии» (Минск, 1993).

Указатель имен

Бенеш Богуслав (1927–2014), чешский этнограф, фольклорист, литературовед, проф. университета им. Т. Г. Мазарика (Брно), автор многочисленных теоретических, аналитических, историографических и информационных статей.

Браун Максимилян (1903–1984), немецкий славист.

Бртань Рудо (1907–1998), словацкий фольклорист, историк литературы.

Бурласова Соня (р. 1927), словацкий фольклорист, этномузыковед.

Бэлза Игорь Федорович (1904–1994), музыковед, композитор, литературовед, сотрудник Института славяноведения и балканистики АН СССР (Москва).

Вакарелски Христо Томов (1896–1979), болгарский этнограф и фольклорист, профессор.

Вольман Славомир (р. 1925) — чешский славист, филолог, с 1988 г. председатель Международного комитета славистов

Вольман Франк (*Frank Wollman*, чеш. *František Wollman*; 1888–1969), чешский драматург, писатель, литературовед, историк и критик, фольклорист, балканолог, славист (богемист, русист); известный компаративист, член Пражского лингвистического кружка (одновременно с Р. Якобсоном и П. Г. Богатыревым), сторонник структурной эстетики.

Вранска-Романская Цветана (*Цветана Стоянова Романска-Вранска*; 1914–1969), болгарская славистка, фольклорист, этнограф.

Гашипарикова Вера (*Gašparíková Viera*; 1928–?), словацкая исследовательница фольклора и этнографии; занималась народной словесностью и популяризацией ее для детей и юношества. Училась на филологическом факультете университета в Братиславе; там же позднее была ассистентом на кафедре этнографии. Являлась ведущим сотрудником Этнографического совета Словацкой АН; составила каталог словенской народной прозы в двух частях.

Горак Иржи (*Horák Jrži*; 1884–1975), чешский фольклорист, этнограф и литературовед, действительный член Чехословацкой АН. Изучал украинско-чешские и украинско-словацкие фольклорные и литературные связи. Окончил филологический факультет Карлова ун-та (Прага). Какое-то время, будучи доцентом, преподавал и занимался научными изысканиями на филологическом факультете ун-та Масарика (Брно, Словакия). До Второй мировой войны являлся управляющим директором и председателем Национального института народной песни, а также председателем Чехословацкого этнографического общества. В 1929 г. был генеральным секретарем 1-го Международного конгресса славянских филологов. Во время войны, в период немецкой оккупации, был арестован и заключен в тюрьму в Праге. По окончании войны с 1945 по 1948 г. являлся послом Чехословакии в СССР. После

1948 г. посвятил себя научной и преподавательской деятельности в Карловом ун-те. С 1952 г. стал главой отдела народной песни Чехословацкой АН. После слияния этого отдела с этнографическим в 1954 г. возглавил фольклорный отдел воссозданного

Горалек Карел (1908–1993), чешский языковед, занимавшийся исторической лексикологией, историей славянских языков, грамматикой и семантикой романских языков. С 1967 до 1970 — председатель Международной комиссии по истории славян.

Дворжак Карел (*Karel Dvořák*; 1913–1989), славист, историк литературы, фольклорист, с 1962 по 1967 г. председатель Чехословацкого этнографического общества.

Динев Петр (*Петър Николов Динев*; 1910–1992), болгарский литературовед, фольклорист, литературный критик, действительный член Болгарской АН (1966); профессор Софийского университета; директор Института фольклора БАН.

Доруля Ян (р. 1933) — словацкий славист, ведущий научный сотрудник Института славистики Словацкой АН, председатель Словацкого комитета славистов.

Дубчек Александр (*Alexander Dubček*; 1921–1992), чехословацкий государственный, политический и общественный деятель; первый секретарь ЦК Компартии Чехословакии; в январе 1968 — апреле 1969 главный инициатор курса реформ, известных как *Пражская весна*, арестован и вывезен в Москву; на апрельском пленуме ЦК КПЧ (1969) отстранен от власти, в 1970 исключен из Компартии Чехословакии, лишен статуса депутата. В 1989 г. Дубчек был одним из активнейших участников *Бархатной революции* в Чехословакии, занимал пост председателя Федерального собрания Чехословакии. В феврале 1990 г. воссоздал Социал-демократическую партию Словакии (СДПС).

Ех Яромир (1918–1992) — фольклорист, этнограф, писатель, член ЧСАН.

Карбушицкий Владимир (*Vladimír Karbusický*; 1925–2002), чешский музыковед, исследователь «новых» чешских песен, автор реконструкции старочешской народной эпики и начальных этапов чешской народной музыки; занимался музыкально-социологическими исследованиями в Карловом университете (Прага), структуралист, среди исследовательских интересов — интертекстуальность в музыке (1983); стоял у истоков исследования народной музыки Словакии. После событий 1968 г. эмигрировал в ФРГ, успешно работал в Гамбурге.

Коморовски Ян (*Ян Коморовский, Ján Komorovský*; 1924–2012), славяновед-русист, религиовед и основатель научной специальности «Религиоведение» на философском факультете университета им. Коменского в Братиславе (Словакия), популяризатор (и переводчик) русской религиозной философской мысли в Словакии (учений В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Л. Шесто-

ва, А. В. Меня и др.). В 1945–1951 гг. учился на философском факультете университета им. Коменского (Братислава), специализация «Русистика и философия»; там же в 1954–1959 гг. преподавал (доцент, профессор): на кафедре русского языка и литературы читал лекции по старорусской литературе и русскому фольклору, вел спецкурсы и семинары о классицизме в русской литературе, романтизме, русской поэзии; на кафедре фольклористики и этнографии читал лекции о духовной культуре славян. В начале 1970-х гг. стажировался в Москве, а также в Киеве, где в университете прочитал краткий лекционный курс о короле Матее Корвине, народных традициях, обрядах и обычаях славян с точки зрения семиотики и теории коммуникации. Был редактором ежегодника славянских этнографов «Ethnologia Slavica». При Словацкой АН создал (и стал его редактором) первый в Словакии журнал по религиоведению «Hieron». В 1992 г. создал и возглавил в родном университете отдел религиоведения на кафедре этнологии (позже: этнологии и культурной антропологии); в 2003 из отдела была образована отдельная кафедра сравнительного религиоведения.

Лоцица Иван (Ivan Lozica; р. 1950), хорватский фольклорист, специалист по народному театру и карнавалу.

Мазон Анри (Андре, André Mazon; 1881–1967), французский славист, литературовед, профессор, член Академии надписей и изящной словесности (1941); специалист по древнерусской и русской классической литературе, русскому и чешскому языкам, славянскому фольклору.

Мелихерчик Андрей (1917–1966) — словацкий фольклорист и этнограф.

Млынарж Зденек (Zdeněk Mlynář; 1930–1997), чехословацкий и чешский юрист, политический деятель, секретарь ЦК Компартии Чехословакии в 1968–1970 гг. Один из лидеров Пражской весны, идеолог «социализма с человеческим лицом». Подписал программный документ чехословацкого диссидентства «Хартия 77»; после подавления Пражской весны эмигрировал в Австрию.

Мушинка Микулаш (р. 1936), словацкий фольклорист карпато-русинского происхождения, доктор филологических наук, писатель, профессор Прешовского ун-та.

Ортумай Дьюла (Gyula Ortutay; 1910–1978), венгерский этнограф, политик; в 1947–1950 гг. занимал должность министра по делам религии и образования.

Палах Ян (1948–1969), студент философского ф-та Карлова университета, совершивший самоожжение на Вацлавской площади в Праге в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками стран Варшавского договора.

Пиркова-Якобсон Сватова (Svatava Pirková, в замужестве Пиркова-Якобсон; 1908–2000), фольклорист, профессор Техасского ун-та в Остине; жена Р. Якобсона.

- Поленакевич Харлампис* (1909–1984), македонский славист, историк литературы, профессор в Скопле.
- Рааб Гаральд* (1921–1969), немецкий философ, славист, переводчик.
- Сироватка Ольдржих* (*Oldřich Sirovatka*; 1925–1992), чешский фольклорист, сфера интересов — современный фольклор (этносемантика; технологии социокультурной адаптации и т. п.). О нем см.: *The Paradox of Authenticity: Folklore Performance in Post-Communist Slovakia*. By Joseph Feinberg. Соавтор М. Лешака: монография «Фольклор и фольклористика» (1982).
- Сливка Мартин* (*Martin Slivka*; 1929–2002), словацкий этнограф, кинорежиссер-документалист, автор многочисленных короткометражных этнографических фильмов (работал на Студии короткометражных фильмов в Братиславе); автор книги «*Slovenské ľudové divadlo*» (2002), альбома «*L'udové masky*» (Bratislava, 1990). Названный альбом Сливка подарил В. Е. Гусеву.
- Стендер-Петерсен Адольф* (*Adolf Stender-Petersen*; 1893–1963), датский славист.
- Тонцова Марта* (*Marta Toncrová*; р. 1945), фольклористка, специалист по народным песенным традициям Моравии.
- Турбин Геннадий Андреевич* (1917–1993), лингвист, диалектолог, преподаватель, с которым Гусева сближали учеба в Московском институте философии, литературы и истории (Турбин в 1941 г. закончил аспирантуру этого института) и работа в Челябинском гос. пединституте (куда Турин был направлен по распределению и с 1941 г. преподавал на кафедре русского языка).
- Филова Божена* (*Božena Filová*; р. 1926), словацкий этнограф, фольклорист, член-корр. Словацкой АН.
- Флорец Вацлав* (1934–1992), чешский и словацкий фольклорист, доктор наук, преподавал (профессор) на кафедре славянской этнографии филологического факультета университета Иоанна Евангелиста в Брно (Словакия, ныне — ун-т Масарика); специалист по словацким сказкам, народной архитектуре, чешским рождественским традициям, культуре виноградарства в карпатском и балканском регионах; занимался проблемами этнологии и этномузыкологии; организовал и проводил многочисленные народные фестивали, был членом Научного совета Международного общества по этнографии и фольклору Европы при ЮНЕСКО.
- Хозе Сусанна* (Бауцен, Германия), паремиолог, специалист по культуре сербовлужичан; член Международной комиссии по славянскому фольклору и фольклористике в славянских странах.
- Шаповалова Галина Григорьевна* (1918–1996), фольклорист, опытный экспедиционер, научный сотрудник отдела фольклора, хранитель фольклорных фондов ИРЛИ АН СССР (1956–1968 гг.), научный сотрудник восточнославянского сектора Института этнографии АН СССР (Ленинград — С. Петербург).

Швеглак Светозар, чешский моравский фольклорист, исследователь народной песни и эмигрантского фольклора США.

Шрамкова Марта (Šrámková Marta), автор работы: *Šrámková M. Evolutionary Paths of Czech Prosaic Verbal Folkloristics from the Formation as a Scientific Discipline until the year 2000 // Národopisná revue (Journal of Ethnology). 2017. Vol. 22. Is. 5. S. 3–18.*

Ягодич Р. (R. Jagoditsch), австрийский славист, в 1963–1967 гг. председатель Международной комиссии по истории славян.

Якобсон Роман Осипович (Roman Jakobson; 1896–1982), российский и американский лингвист, педагог и литературовед, один из крупнейших лингвистов XX в.